

К ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ АРЦАХА

А. Т. МАРУТЯН, Г. Г. САРКИСЯН, З. В. ХАРАТЯН

Начало этнографического изучения основных историко-культурных областей Армении было положено еще во второй половине XIX в. известным армянским этнографом Е. Лалаяном, охватившим в своих публикациях практически все этнографические районы Армении и сопредельных областей, населенных армянами¹. Недавно вышел в свет второй том трудов Е. Лалаяна под общим заглавием «Арцах», куда вошли описания материальной и духовной культуры армянского населения двух районов— Варанды и Гандзака.

В 1920-х гг. в НКАО собирал этнографический материал Ст. Лисицян, труд которого—«Армяне Нагорного Карабаха»²—увидел свет лишь в 1981 г. Следует упомянуть и брошюру И. Петрушевского³, отражающую некоторые стороны дохристианских верований и культов, наблюдавшихся среди населения края вплоть до 1930 г. В 1960-х гг. в ряде районов⁴ НКАО работала этнографическая экспедиция (научный руководитель—Д. С. Вардумян) Института археологии и этнографии АН АрмССР⁵, а в 1970—1980-х гг.—армянский отряд Института этнографии АН СССР под руководством А. Е. Тер-Саркисянц⁶. В последнее время исследование традиционного общественного быта армян Нагорного Карабаха проводилось аспирантом Института этнографии АН СССР (ныне директор Гадрутского краеведческого музея) А. А. Мкртчяном⁷. От-

¹ См.: тт. 1—26 журнала *Ազգագրական հանդես* (Этнографический журнал), первый том которого вышел в Шуши в 1896 г., а остальные 25 томов—в Тифлисе с 1897 по 1916 гг.

² *Ստ. Լիսիցյանի, Լեւոնյի Ղարաշաղի հայերը, ազգագրական ակնարկ (Հայ ազգագրություն և բանահյուսություն, սր. 12, Երևան, 1981)*: Работа первоначально была написана на русском языке.

³ И. Петрушевский, О дохристианских верованиях крестьян Нагорного Карабаха, Баку, 1930.

⁴ В настоящее время Нагорно-Карабахская автономная область включает пять районов—Гадрутский, Маргуинский, Аскеранский, Мартакертский, Шушинский. Территория—4,4 тыс. км².

⁵ Материалы экспедиций хранятся в архиве отдела этнографии Института археологии и этнографии АН АрмССР (далее—АОЭ ИАЭ).

⁶ Ее работы в основном посвящены современным этнокультурным процессам, в частности—проблемам современной семьи у армян. См.: А. Е. Тер-Саркисянц, Современная семья у армян Нагорного Карабаха [Кавказский этнографический сборник (далее—КЭС), т. 6, М., 1976], Новое и традиционное в современном быту армян Нагорного Карабаха [Полевые исследования Института этнографии (далее—ПИИЭ), 1975, М., 1977]; Динамика уровня образования армян Нагорного Карабаха (ПИИЭ, 1976, М., 1978); Современные этнические процессы у армян Нагорного Карабаха (в сб.: Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе, М., 1978); Некоторые тенденции этнокультурного развития армян Нагорного Карабаха (*ՀՍՍՀ ԳԱ Արարիկ հանրակրթական գիտություններ, 1988, № 8*).

⁷ А. А. Мкртчян, Межэтнические контакты в Нагорном Карабахе (вторая половина XIX—начало XX в. [Межэтнические контакты и развитие национальных куль-

дельные стороны традиционно-бытовой культуры армян НКАО представлены также в ряде работ по этнографии Азербайджана⁸.

Настоящая статья, составленная на основе архивных и литературных источников, а также материалов экспедиций Института археологии и этнографии АН АрмССР, ставит своей целью обрисовать общую этнокультурную картину армянского населения части исторического Арцаха—Нагорного Карабаха⁹.

Население Арцаха (как и другой северо-восточной провинции исторической Армении—Утика¹⁰) было армянским с эпохи образования древнего армянского этноса. Антропологически армяне Карабаха относятся к арменоидному типу и, по мнению известного советского антрополога В. В. Бунака, представляют собой один из наиболее ярко выраженных в этом типе¹¹.

Согласно сообщению Страбона, уже в I в. до н. э. население Армении вплоть до р. Куры было одноязычным¹². В числе других окраинных диалектов армянского языка арцахский (впоследствии карабахский) впервые упоминается в «Грамматике» автора VIII в. Степаноса Сюнеци. Как по охвату территории, так и по численности носителей карабахский диалект занимает первое место среди более пятидесяти диалектов армянского языка¹³. Согласно морфологической классификации армянских диалектов, карабахский относится к ветви ип—«ум» и занимает среднее положение между араратским, джугинским, шемахинским диалектами, с одной стороны, и агулисским и мегринским—с другой, иными словами, языковая локализация соответствует географической. Лексика и грамматические формы карабахского диалекта сохраняют как много черт, характерных для общеиндоевропейского периода, так и содержат многочисленные формы древнеармянского литературного языка—грабара. В настоящее время этот диалект функционирует в НКАО

тур. Сборник статей, М., 1985, с. 54—62); его же, Сельское поселение в системе общественного быта армян Нагорного Карабаха (по материалам XIX—начала XX в.) [Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР № 24035 от 6. 02. 86 (Новая советская литература по общественным наукам. История: Археология. Этнография. М., 1986, № 8)].

⁸ См., например: А. А. Измайлова, К вопросу о карабахцах на территории АзССР в XIX—начале XX в. (Азербайджанский этнографический сборник, вып. 1, Баку, 1964); Е. Н. Бабаян. Азербайджанская народная одежда конца XIX—начала XX вв. (по материалам карабахской зоны), автореф. канд. дис., М., 1967; ее же, О социалистических преобразованиях в быту и культуре колхозного крестьянства Нагорного Карабаха (Материалы по истории Азербайджана. Труды музея истории Азербайджана, т. 8, Баку, 1973, с. 141—153).

⁹ О времени возникновения ойконима «Карабах» см.: Нагорный Карабах. Историческая справка, Ереван, 1988, с. 8.

¹⁰ Д. С. Вардумян, Характеристика основных этнографических районов Армении в XIX в., М., 1964, с. 1. Здесь же см. о других историко-культурных областях Армении: Барцр Айк, Ахдзник, Туруберак, Васпуракан, Вайоц дзор, Айрарат, Гехаркуник, Ширак, Лори, Тавуш и др.

¹¹ В. В. Бунак, Антропологический состав населения Кавказа (Вестник Государственного музея Грузии, т. XIIIА, 1946, с. 94).

¹² Страбон, XI, 4.

¹³ Подробнее см., например: 2. Ա ճ ա ո յ ա ն, Քննություն Ղարաբաղի բարբառի, Վաղարշապատ, 1901, Ա. Ղ ա ռ ի բ յ ա ն, Հաջ բարբառագիտություն, Երևան, 1953, Կ. Դ ա ղ - Ք յ ա ն, Լեռնային Ղարաբաղի բարբառային քարտեզը, Երևան; 1966, Գ. Զ ա հ ու կ յ ա ն, Հաջ բարբառագիտության ներածություն, Երևան, 1972:

и прилегающих районах АзССР, в Баку, а также среди армян-переселенцев из Нагорного Карабаха, ныне проживающих в Армении, на Северном Кавказе, в Средней Азии и других регионах нашей страны¹⁴.

Нашествия арабов (VII в.), тюрок-сельджуков (XI в.) и татаро-монголов (XIII в.), нанесшие значительный урон экономике и социально-политической жизни края, не затронули этноязыкового (на территории Нагорного Карабаха не обнаружено пока иных, кроме армянских, надписей, датируемых периодом от V до XVII вв.¹⁵) и конфессионального облика коренных жителей Арцаха—армян.

Лишь с конца XIV в., в связи с появлением здесь туркменских кочевых племен (ак-коюнлу и кара-коюнлу), в степных и полустепных и ранее негустонаселенных районах Арцаха постепенно распространяется скотоводческо-кочевой уклад на тюркоязычной и иноэтничной основе. Скотоводы, разводившие в основном мелкий рогатый скот, стали использовать альпийские пастбища Карабаха, тем самым ознаменовав проникновение и в горные области края¹⁶. В итоге бурных этнических передвижений в Закавказье тюркоязычных кочевых племен¹⁷, известных в дореволюционной литературе под общим названием «татары» или «кавказские татары», а впоследствии и курдов, срединная горная часть Арцаха уже к XVIII в. опоясанная в основном иноэтничным и иноконфессиональным кольцом, представляет собой как бы остров армянской культуры¹⁸. В течение всего XIX—начале XX века население Карабаха (в пределах границ НКАО, представляло картину, обрисованную в приводимой ниже таблице).

Приведенные в таблице¹⁹ данные показывают, что основное население Карабаха (в пределах НКАО) в течение всего XIX—начала XX в.

¹⁴ Сведения по карабахскому диалекту любезно предоставил нам языковед-диалектолог А. Е. Хачатрян.

¹⁵ См., например: М. М. Нейматова, Мемориальные памятники Азербайджана. Баку, 1981. Ср.: Нагорный Карабах..., с. 18.

¹⁶ О более позднем (в начале XVIII в.) проникновении сюда кочевников см.: А. К. Алекперов, Исследования по археологии и этнографии Азербайджана, Баку, 1960, с. 139.

¹⁷ Подробнее об этом см.: М. М. Карапетян. Динамика расселения тюркоязычных племен в восточной части Армянского нагорья (конец XVI—начало XIX в.) (в сб.: Взаимосвязь социальных и этнических факторов в современной и традиционной культуре, М., 1983, с. 207—216).

¹⁸ О густоте армянского населения свидетельствуют документы, приведенные в указанной брошюре—Нагорный Карабах..., с. 17—18.

¹⁹ Таблица составлена научным сотрудником Института археологии и этнографии АН АрмССР, к. и. н. Г. Г. Саркисяном на основе следующих источников: за 1823 г. Центральный государственный исторический архив АрмССР (далее—ЦГИА АрмССР, ф. 93, оп. 1, д. 163 (Описание Карабахской провинции, составленное в 1823 г. действительным статским советником Могилевским и полковником Ермоловым 2-ым, Тифлис, 1866, 260 листов); за 1832—33 гг.—ЦГИА АрмССР, ф. 93, оп. 1, д. 50, 51; за 1850 г.—Кавказский календарь на 1852 г., Тифлис, 1851, с. 430—433 и Кавказский календарь на 1856 г., Тифлис, 1855, с. 358—359, 376—441; за 1873 г.—Сборник сведений о Кавказе, т. VII, Тифлис, 1880, с. XXII—XXV; за 1886 г.—Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 года. Елизаветпольская губерния, Тифлис, 1893; за 1897 г.—ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 11, д. 637, 638, 646; за 1914 г.—Кавказский календарь на 1915 г., Тифлис, 1914, отдел статистический, с. 81—214.

Этнический состав и динамика численности населения Карабахской провинции
(в пределах границ НКАО) в XIX—начале XX века

Годы	Провинция, город	Армяне	в %	Татары	в %	Русские	в %	Курды	в %	Прочие	в %	Всего	в %
1823	Сельск. нас.	27500	97,5	700	2,5	—	—	—	—	—	—	28200	77,4
	Нас. г. Шуши	3350	41	4670	56	—	—	270	3	—	—	8290	22,6
	Нас. в целом	30850	84,6	5370	14,7	—	—	270	0,7	—	—	36490	100
1832—1833	Сельск. нас.	17600	97	564	3	—	—	—	—	—	—	18164	69,8
	Нас. г. Шуши	4265	53,9	3665	46,1	—	—	—	—	—	—	7930	30,2
	Нас. в целом	21865	84	4229	16	—	—	—	—	—	—	26094	100
1850	Сельск. нас.	29886	97,3	900	2,7	—	—	—	—	—	—	30786	70,7
	Нас. г. Шуши	6355	50	6370	50	5	—	—	—	—	—	12730	29,3
	Нас. в целом	36241	83,3	7270	16,7	5	—	—	—	—	—	43516	100
1873	Сельск. нас.	65375	95,4	3200	4,6	—	—	—	—	—	—	68575	73,6
	Нас. г. Шуши	13504	55	10804	44	244	1	—	—	—	—	24552	23,4
	Нас. в целом	78879	84,7	14004	15	244	0,3	—	—	—	—	93127	100
1896	Сельск. нас.	83919	93,2	5839	6,5	276	0,3	—	—	—	—	90034	77,1
	Нас. г. Шуши	15188	56,6	11595	43,3	21	0,1	—	—	2	—	26806	22,9
	Нас. в целом	99107	84,8	17434	14,9	297	0,3	—	—	—	—	116840	100
1897	Сельск. нас.	91943	89,5	9631	9,4	1153	1,1	—	—	13	—	102740	79,9
	Нас. г. Шуши	14420	55,8	10778	41,7	396	1,5	—	—	287	1	25881	19,4
	Нас. в целом	106363	82,7	20409	15,9	1549	1,2	—	—	300	0,2	128621	100
1914	Сельск. нас.	113210	90,6	11013	8,8	747	0,6	—	—	46	—	125016	74,8
	Нас. г. Шуши	22004	52,3	18864	44,8	1188	2,8	—	—	74	0,1	42130	25,2
	Нас. в целом	135214	80,9	29877	17,9	1935	1,2	—	—	120	—	167146	100
Прирост за 1823—1914	Сельск. нас.	+ 85710	75,7	+10313	93,7	—	—	—	—	—	—	96816	74,1
	Нас. г. Шуши	+ 18654	84,7	+14194	75,5	—	—	—	—	—	—	33840	25,9
	Нас. в целом	+104364	77,2	+24507	82,2	—	—	—	—	—	—	130656	78,2

было армянским²⁰ (около 84%), причем в сельской местности армяне составляли абсолютное большинство—более чем 94%. Существенная разница в процентах между всем населением области и сельским населением объясняется наличием значительного количества «татар» в г. Шуши. Обстоятельство, которое объясняется чисто политическим фактором: с середины XVIII в., до ликвидации Карабахского ханства (1822 г.) Шуши был резиденцией мусульманских правителей, что обеспечивало привилегированное положение «татар» и их постоянный приток сюда извне. Примечательно, что после упразднения ханства армянское население города начало расти более высокими темпами и к концу XIX в. составляло около 56%.

Как видно из таблицы, население Нагорного Карабаха за период с 1823 по 1914 гг. возросло более чем в 4,5 раза. Армянское население области за этот же период выросло примерно в 4,4 раза, а «татарское» (вернее, тюркоязычные этнические группы)—в 5,5 раза. Подобное соотношение показателей прироста армянского и «татарского» населения объясняется интенсивным процессом постоянного притока тюркоязычного элемента. Постоянное же сокращение армянского населения Нагорного Карабаха в советское время было обусловлено, в первую очередь, процессом непрерывной эмиграции армян в силу различных причин политического и социально-экономического характера. Так, в 1921 г. армяне составляли 94,4% от общего числа населения области, в 1926 г.—89,2%, в 1959 г.—84,4%, в 1970 г.—80,5%, в 1979 г.—75,7% (123076 чел. от общего количества населения в 162181 чел.²¹).

Традиционный этнокультурный облик армян Нагорного Карабаха созвучен общей модели армянской этнической культуры, но выявляет также локальные особенности, что характерно для любой историко-этнографической области ойкумены.

Армяне Карабаха вели симбиозное земледельческо-скотоводческое хозяйство. Удельный вес земледелия несравненно выше. Оно является основным видом и обуславливает компонент скотоводства, ориентированный на разведение тяглового скота (буйволы, волю), который количественно преобладает по сравнению с мясо-шерстно-молочным скотом. В земледелии главенствующую роль занимает полеводство с плужным земледелием и с широким видовым и сортовым разнообразием зерновых культур (пшеница, ячмень, просо, рожь, рис и др.). В регионе в земледельческих работах плуг употребляли практически только армяне, соху же они использовали для разрыхления поднятого слоя, а также на участках, расположенных на склонах гор, в то время как, по данным XIX в., проживающие здесь «татары» использовали соху в качестве основного орудия для земледельческих работ²². Основные типы и названия земледельческих орудий карабахских армян тождественны общеармянским типам и названиям²³.

По хозяйственному укладу армяне Карабаха резко отличались от окружающего «татарского» населения, о чем имеется множество свиде-

²⁰ Ср. этническую карту на стр. 10, составленную относительно конца XIX в.

²¹ См.: Азербайджанская сельскохозяйственная перепись 1921 г., т. III, вып. XVII, Баку, 1924, с. IV; А. Е. Тер-Саркисянц, Современные этнические процессы у армян Нагорного Карабаха, с. 67; Численность и состав населения СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г., М., 1984, с. 126—127.

²² И. Серебряков, Сельское хозяйство в Елисаветпольском уезде. Тифлис, 1862, с. 101.

²³ Подробнее см.: Վ. Հ. Բ ո ղ յ ա ն, Երկրագործական մշակույթը Հայաստանում, Երևան, 1972.

тельств в материалах XIX в. Приведем лишь некоторые из них. Так, А. Г. Деконский пишет: «Татары, как бывшие победители, заняли лучшие места: им принадлежат почти исключительно все поливные земли в обоих уездах (имеется в виду Шушинский и Джебраильский—авторы). Хлебопашество у кочевников появилось недавно и составляет второстепенную отрасль хозяйства; оно трудно прививается к кочевникам и ведется ими крайне неудовлетворительно... Уборка и обмолот хлеба совершаются, в большинстве, наемным трудом, вследствие неумения и непривычки кочевников к полевым работам... Армянское население, составляя исключительно земледельческий класс описываемых районов, во многом отличается от татар...»²⁴. М. Кучаев, подытоживая результаты крестьянской реформы 1861 г. в Елисаветпольской губернии (куда в XIX в. входил Карабах), отмечает, что нагорные местности были заселены преимущественно армянами, которые, при самых неблагоприятных условиях для земледельческого труда, обеспечивали свое благосостояние «мирными сельскохозяйственными занятиями». Низменная же часть края была занята татарским населением. «В самом наделе землю они (татары—авторы) искали не столько материал для развития личного труда, сколько средства для эксплуатации самого права пользования землей, отдавая ее другим за известную плату урожаем или деньгами и, в крайнем случае, возделывая ее первобытными средствами»²⁵.

Вообще в Закавказье кочевое скотоводство обнаружено только среди пришлого этнического элемента и не имеет местных корней²⁶. Как пишет В. М. Шамиладзе, в местном археологическом материале «не выявлено так называемого «цепного процесса», культурные слои дают свидетельства об оседлом образе жизни и соответствующих формах хозяйства»²⁷, «Кочевничество, кочевое скотоводство на Кавказе было приуще только пришлому населению»²⁸.

Важное место в хозяйстве занимала вторичная обработка сельскохозяйственных продуктов, особенно зерновых. Высокого развития в регионе достигло маслобойное дело, причем ареальное распределение маслобоен в точности соответствует расселению армянского населения.

Ремесла и домашние промыслы Нагорного Карабаха являются органической частью армянской системы ремесленных традиций, пред-

²⁴ А. Г. Деконский, Экономический быт государственных крестьян Шушинского и Джебраильского уездов Елисаветпольской губернии (Материалы для исследования экономического быта государственных крестьян Закавказского края, т. IV, ч. 1, Тифлис, 1886, с. 233).

²⁵ Крестьянская реформа в Елисаветпольской губернии (извлечение из отчета М. Кучаева) (Материалы для исследования экономического быта государственных крестьян Закавказского края, т. 1, Тифлис, 1885, с. 459).

²⁶ См.: А. А. Калантар, Задачи и способы исследований скотоводства (Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе, т. 1, Тифлис, 1887); И. З. Андронников, Скотоводство в Закавказском крае (Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края, т. V, ч. 1); И. Л. Бахтадзе, Кочевники Закавказского края (Свод материалов..., т. III, ч. 2); Ю. И. Мкртумян, К изучению форм скотоводства у народов Закавказья (в кн.: Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX—XX вв., М., 1971, с. 133); В. М. Шамиладзе, Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии. Историко-этнографическое исследование, Тбилиси, 1979, с. 297—310.

²⁷ В. М. Шамиладзе, О некоторых вопросах классификации и терминологии скотоводства Кавказа (Советская этнография, 1982, № 3, с. 75).

²⁸ Там же, с. 71.

ставляя собой особую школу Сюника-Арцаха-Утика. Наибольшего развития достигли здесь ремесла, основанные на развитом земледельческом хозяйстве (кузнечное дело, камнетесное дело, гончарство, столярное, сапожное, ткацкое, портняжное, оружейное, ювелирное дело). Кроме того, развитию и расширению ремесел способствовала необходимость удовлетворения потребностей все чаще появляющихся здесь кочевых и полукочевых племен. Самым распространенным ремеслом было кузнечное дело, которое обычно передавалось по наследству от отца к сыну. В некоторых селах имелось несколько кузниц, что свидетельствует о повышенном спросе населения на изготавливаемые кузнецами разнообразные бытовые изделия и земледельческо-скотоводческий инвентарь. Развитие же столярного дела обуславливалось как наличием леса, так и необходимостью обеспечения многих сфер культуры жизнеобеспечения оседлого населения (жилище и другие постройки, элементы мебелировки и утвари, земледельческие орудия и приспособления)²⁹.

Из арцахских ремесел особо выделяется ковроткачество. Арцахско-утикско-сюникская школа создала много всемирно известных образцов высокого искусства со сложной изобразительной символикой, отражающей модель мира ранних земледельцев. Письменные источники VII в. свидетельствуют о наличии здесь развитого ковроткацкого занятия³⁰. О высоком спросе на армянские ковры Арцаха-Утика говорят и арабские авторы VIII—IX вв.³¹ В развитом средневековье в Арцахе существовали специальные ковроткацкие мастерские при некоторых княжеских домах, продукция которых встречалась в крупных монастырских центрах Армении³². Средневековые традиции искусства ковроделания Арцаха продолжались и в последующие века. Термины, применяемые для обозначения как отдельных деталей, так и всего комплекса технико-технологического процесса ковроткачества, в большинстве своем имеют индоевропейское происхождение и идентичны терминам, употребляемым во всей Армении³³. Орнаментировка арцахских ковров повторяет многие элементы композиций, присущих армянскому средневековому искусству—миниатюре, скульптуре, в частности, хачкарам (крест-камням).

В ювелирных мастерских Закавказья в XIX—начале XX в. ведущую роль играли мастера-армяне³⁴. О высокой художественной ценности продукции этих мастеров (в том числе ювелиров из Карабаха) свидетельствует, например, то, что они неоднократно принимали участие на международных выставках и конкурсах и были отмечены многими призами³⁵. Одним из знаменитых центров армянского ювелирного

²⁹ Подробнее о ремеслах см.: Ч. Ч. Սեդրույան, Տեղեկանք Արցախի արհեստավորական կենցաղից (АОЭ ИАЭ, папка «Арцах»).

³⁰ См., например: Мовсес Каланкатуаци, История страны Алуанк. Перевод с древнеармянского, предисловие и комментарий Ш. В. Смбабяна, Ереван, 1984, с. 116.

³¹ См.: Н. А. Караулов, Сведения арабских географов IX и X вв. по р. х. о Кавказе, Армении и Азербайджане (Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 38, Тифлис, 1908, с. 14—15).

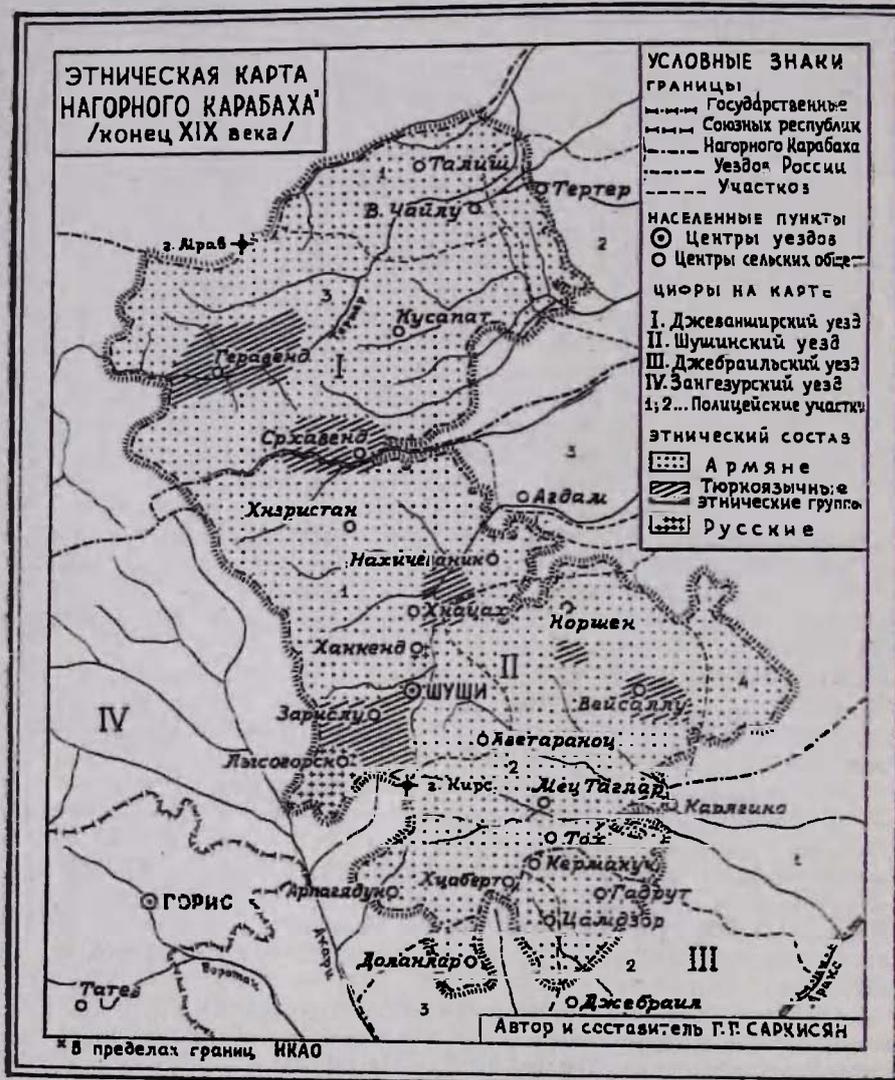
³² Կիրակոս Գանձակեցի, Պատմութիւն հայոց, Երևան, 1961, էջ 215—216.

³³ См., например: Ч. Հարությունի, Հայուհին պատմութեան արդև, Վեներիկ, 1936, էջ 246—248.

³⁴ См., например: Э. Г. Аствацатурян, История оружейного и серебряного производства на Кавказе в XIX—начале XX в., М., 1977.

³⁵ См., например: Каталог российским произведениям, отправленным на Лондонскую выставку 1851 г., СПб., 1851; Указатель русского отдела Всемирной выставки

искусства являлся Арцах, где, помимо г. Шуши, этим ремеслом занимались в Мартакерте, Гадруте и других местах. Согласно приводимым Э. Г. Аствацатурян данным, в ассортименте ювелирной продукции Арцаха важное место отводилось бытовой и ритуально-церковной утвари, украшениям и, в частности, поясам—обязательным элементом армянского традиционного костюма³⁶. Искусствоведческий анализ ювелирных изделий Арцаха выявляет много общих черт с другими центрами ювелирного дела Армении, в частности, с Ваном и Карином (Эрзерум).

Следует отметить, что национальный стиль ювелирного искусства проявляется не столько в технике изготовления или орнаментации изделий

1862 г., Лондон, 1862; Каталог русского отдела Всемирной и Парижской выставки 1900 г., СПб., 1900.

³⁶ Э. Г. Аствацатурян, указ. соч., ч. 1, с. 110.

(ибо в процессе культурного взаимодействия соседних народов возможны идентичные проявления), сколько в специфичных сочетаниях в технике изготовления, в элементах орнаментирования и т. п. Для сюникско-арцахской школы характерны, например, сочетания техники литья иковки с гравировкой и покрытием чернью, в орнаментации—преобладание мотивов креста и т. п. Наиболее наглядно это прослеживается на примере поясов, изготавливаемых армянскими ювелирами г. Шуши. Велика роль шушинских мастеров и в деле развития техники эмалировки³⁷. Ювелирное искусство Арцаха является армянским не столько по национальной принадлежности мастеров, сколько по своим историко-культурным и этническим истокам и особенностям³⁸.

В системе армянской этнической культуры важное место занимает традиционный народный транспорт, многие своеобразные формы которого были свойственны и армянам Арцаха. Как и во всей Армении, здесь функционировали пеший и вьючный, а также тягловый (безколесный и колесный) типы транспорта. Особенно следует отметить употребление здесь вплоть до 1960-х гг. арбы с двумя массивными трехчастными колесами—транспорт, известный с древнейших времен в Передней Азии, в частности, в Армении³⁹. Характерной особенностью всей системы передвижения и перевозок у армян Карабаха, помимо различий в способах навьючивания и погрузки (обусловленной видом транспортируемых вещей), являлся также выбор и использование конкретных видов животных. Например, у армян так и не вошло в быт разведение и использование в транспортных целях верблюдов, что широко было распространено среди соседних тюркоязычных племен, а также у персов⁴⁰.

Указанные выше исторические обстоятельства обусловили основной тип поселения в Нагорном Карабахе, традиционно располагавшихся на южных склонах гор. Хозяйственный уклад и, не в последнюю очередь, соображения обороны привели к скученному типу армянских сел. Как правило, селение имело центр в виде небольшой площади, где располагались лавки ремесленников и которая служила местом торговли и обмена, а также общинных сходов. Невдалеке от этого центра обычно располагалась церковь с кладбищем, где хоронили представители высшего сословия. Основное же кладбище обычно располагалось на окраине села, на возвышении. Наряду с церковью роль священного центра выполняли особые общесельские очаги, по конструкции отличавшиеся от обычных домашних. Иногда, если в селе не имелось церкви, ее функцию брал на себя такой очаг⁴¹. К поселению примыкали плодовые сады, виноградники, нередко овчарни, мельницы, маслобойни, гумна. Многие поселения имели один или более отселков, однако жизнь в этих отселках обычно имела сезонный характер, что было свя-

³⁷ Մ տ. Լի ս ի ց յ ա ն, Զանգեզուրի հայերը, Երևան, 1969, էջ 167:

³⁸ Разделы по ковроткачеству и ювелирному делу основаны на материале, предоставленном сотрудниками Государственного музея этнографии Армении А. Погосьяном и Г. Маркарянном. См.: Ա. Պ ո ղ ո ս յ ա ն, Գորգազործությունն Արցախում, Հ. Մ ա ղ ա ղ ա ղ ա ն, Ոսկերչական արվեստն Արցախում 19-րդ դ.—20 դ. սկզբին (АОЭ ИАЭ, папка «Арцах»):

³⁹ Подробнее см.: Լ. Պ ե տ ռ ո ս յ ա ն, «MAR-GID-DA», «MAR»—Մ ա ու ա ն ս ա յ լ (պատմաստագրական փորձ) (Հանրապետական գիտական նստաշրջան, նվիրված 1982—1983 թթ. ազգագրական և բանահյուսական դաշտային հետազոտությունների արդյունքներին, Երևան, 1984, էջ 36—38):

⁴⁰ Լ. Ն. Պ ե տ ռ ո ս յ ա ն, Արցախ-Ղարաբաղի ավանդական փոխադրամիջոցների մասին (АОЭ ИАЭ, папка «Арцах»):

⁴¹ Ե. Լ ա լ ա ղ ա ն, Երկիր հինգ հատորով, հ. 2, Արցախ, Երևան, 1988, էջ 98—99:

зано с ведением отгонного скотоводческого или земледельческого хозяйства. Нередко отселки со временем перерастали в постоянные поселения, образуя самостоятельные села⁴².

Как известно, этническая традиция достаточно наглядно проявляется в такой сфере материальной культуры, как жилище⁴³. Для армянского населения переднеазиатского (в том числе и закавказского) региона непрерывно, в течение десятков веков характерным было жилище со ступенчато-пирамидальным перекрытием—«глхатун», в основном представленный (в зависимости от различных факторов) двумя типами. Жилища первого типа были характерны для предгорных, богатых лесом районов Армении (Лори, Тавуш, Нагорный Карабах, Сюник, часть Васпуракана и Ахдзника), с умеренным, без резких колебаний температуры климатом. Отличительной особенностью этого типа является конструктивная разделенность жилой и хозяйственной части, в то время как во всех других районах комплексы жилых и хозяйственных помещений составляют одно целое и связаны между собой крытым двором⁴⁴.

Как пишет известный исследователь народного жилища Кавказа В. П. Кобычев⁴⁵, наиболее распространенным типом жилища у армян в Карабахе в XIX в. был глхатун (известный здесь под названием «кырыкочов тун» (по арм.)—«дом с вогнутыми бревнами перекрытия», а также «карадам» (по-тюркски)—«черный дом»: так он назывался из-за покрытия стен сажей от открытого очага), из трех бытующих разновидностей которого наибольшее распространение имел полуподземный карадам, представляющий собой полуземлянку со ступенчато-пирамидальным перекрытием, засыпанным сверху землей. В. П. Кобычев, уделяя особое внимание выяснению связей жилища с этнической средой, замечает, что «основным жилищем азербайджанцев (проживающих на склонах Малого Кавказа и Нагорного Карабаха) являлся карадам, который строили в большинстве случаев мастера-армяне»⁴⁶. Далее он продолжает: «Жилищем богатых и зажиточных курдов были карадамы, построенные мастерами-армянами»⁴⁷. Относительно наличия глхатунов на юго-западных склонах Главного Кавказского хребта (на территории Азербайджана) он пишет, что они «были занесены на данную территорию, очевидно, армянами»⁴⁸. На северо-восточных и южных

⁴² А. А. Мкртчян, Общественный быт армян Нагорного Карабаха, кандидатская диссертация, гл. II (рукопись хранится в библиотеке ИАЭ).

⁴³ См.: Ю. В. Бромлей, Очерки теории этноса, М., 1983, с. 221.

⁴⁴ См., например: Народы Кавказа, т. 2. М., 1962, с. 495—496; Д. С. Вардумян, указ. соч., с. 3—4; *Կ. Ստեփանյան, Հին Հայաստանի կուլտուրան, Երևան, 1941, էջ 203—213.*

⁴⁵ В. П. Кобычев, Жилище народов Восточного Закавказья в XIX в. («Советская этнография», 1957, № 3, с. 65); его же, Крестьянское жилище народов Азербайджана в XIX в. (КЭС, т. III, М., 1962, с. 24, 36); его же, Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX—XX вв., М., 1982; В. П. Кобычев, А. И. Робакидзе, Основы типологии и картографирования жилища народов Кавказа («Советская этнография», 1967, № 2); ср.: *Ստ. Լիսիցյան, Լեռնային Ղարաբաղի հայերը, էջ 33.*

⁴⁶ В. П. Кобычев, Жилище народов Восточного Закавказья в XIX в., с. 57, 64, 66. См. также: Ст. Лисицян, К изучению армянских крестьянских жилищ (Карабахский карадам) (Известия Кавказского историко-археологического института, т. 3, Тифлис, 1925, с. 97—108); его же, *Ջանգիպուրի հայերը, էջ 98, 103—104.*

⁴⁷ В. П. Кобычев, Жилище народов Восточного Закавказья в XIX в., с. 66.

⁴⁸ Там же, с. 64.

склонах Главного Кавказского хребта (Куба-Шемахинская область) также встречались глхатуны, но только у армян, и «были, очевидно, чужеродными элементами в области»⁴⁹, т. е. не были характерными для данной территории, лежащей северо-восточней р. Куры. Суммируя свое исследование о народном жилище Азербайджана XIX в. В. П. Кобычев отмечает «тесную связь жилища с этническим составом населения: жилище разных народов резко отличалось одно от другого. Плоскокрышный саманный дом встречался преимущественно у азербайджанцев, каменный—у татов, карадам—у армян...»⁵⁰.

О карадамах на территории Азербайджана и, в частности, в Карабахе, писали и некоторые азербайджанские ученые. А. А. Измайлова отмечает, что в XIX—начале XX в. карадамы были преобладающим типом жилья в западных и юго-западных районах Азербайджана⁵¹. Она не обращается к роли этнического фактора, хотя и отмечает, что «туны (имеется в виду армянское название жилища со ступенчато-пирамидальным перекрытием—авторы) районов Восточной Армении ничем не отличались от карадамов горных районов западного Азербайджана. Внутреннее убранство также почти ничем не отличалось от убранства азербайджанских карадамов...»⁵². Я. А. Рустамову кажется спорным тезис В. П. Кобычева о тесной связи жилища с этническим составом населения на примере Азербайджана⁵³. Конкретно не исследуя роль этнического фактора, но и ничего не противопоставляя доводам В. П. Кобычева, он тем не менее пишет, что на строительство домов сложной конструкции приглашались мастера-профессионалы, причем «часто приглашались и армянские мастера из соседних деревень. На постройку дома приглашались и из селений, не граничащих с азербайджанскими селениями (т. е. из армянских селений—авторы)»⁵⁴.

Таким образом, наличие глхатуна на территории Нагорного Карабаха и его преобладание в среде армянского населения еще раз свидетельствует о том, что материальная культура (в частности, жилище) жителей этой части исторического Арцаха составляет неотъемлемую часть общеармянской культуры.

Одним из наиболее консервативных элементов материальной культуры является система питания, до наших дней сохранившая у карабахских армян древний компонентный состав. Это крупяно-овощно-молочно-фруктовая модель в виде различных каш (нариса, шила, коркот и т. п.), пловов, молочных и овощных супов (танав, пиперт и т. п.), различных сортов сыра, кислого молока, пахты, всевозможных свежих и сушеных фруктов, сырых овощей. Употребление мяса у карабахских армян, как у армян вообще, имело в основном праздничный и ритуальный характер, причем обрядовые функции связаны с вареным мясом, а праздничные—с жареным. Следует добавить, что основные праздничные и ритуальные блюда все же ориентируются на крупяно-злачные продукты (Нахратох—нариса; св. Саркис—хашил, похинд; Затик (Пасха)—плов. гата; Амбарцум (Вознесение)—катнов; Вардавар—биши и

⁴⁹ Там же, с. 60, 62.

⁵⁰ В. П. Кобычев, Крестьянское жилище народов Азербайджана в XIX в., с. 66.

⁵¹ А. А. Измайлова, указ. соч., с. 164—165.

⁵² Там же, с. 170.

⁵³ Я. А. Рустамов, О поселении и крестьянском жилище азербайджанцев Карабахской зоны (Азербайджанский этнографический сборник, вып. 2, Баку, 1965, с. 112—113).

⁵⁴ Там же, с. 117.

т. п. Основное блюдо свадеб и поминок—шила). Модель питания армян Карабаха повторяет ту же модель, которая сложилась еще в неолите и впоследствии стала характерной для всей Европы и Западной Азии⁵⁵. Эта модель резко отличается от азербайджанской, в основе которой лежат «молочные продукты, мясо, рыба и съедобные растения»⁵⁶, а основные блюда—питы, бозбаш, кюфте-бозбаш, люле-кябаб отсутствуют в традиционной армянской кухне. Отсутствуют у карабахских армян также излюбленные напитки азербайджанцев—различные шербаты⁵⁷.

Традиционные черты народного костюма Карабаха проглядывают больше всего в женской одежде. В ней прослеживаются два комплекса—айавари (буквально «по-армянски») — крестьянская одежда, сохранившаяся и в наши дни у пожилых армянок, и какхавари (буквально «по-городски»), на который заметное влияние оказала одежда армянок Еревана, Тифлиса и который вышел из употребления в начале XX в. Мужская одежда, имея некоторые локальные особенности, в целом представляла собой известный тип восточноармянского костюма⁵⁸.

Основной формой организации сельского населения как во всем Закавказье, так и в Нагорном Карабахе во второй половине XIX—начале XX в. продолжала оставаться сельская община. Будучи хозяйственным организмом, социальной организацией и административной единицей, она являлась также основным носителем этнической традиции. В Нагорном Карабахе не встречались общины, которые включали бы больше одного села, а также села, в которых существовали бы две отдельные общины. Все члены общины, проживающие в пределах одного поселения, были тесно взаимосвязаны в бытовом отношении, составляя единый поселенческий коллектив. Этот коллектив фактически исключал из своего состава тех членов общин, которые не жили в данном селе и не были связаны с его внутренней жизнью или же были очень слабо связаны с нею. Следовательно, сельская община в Карабахе помимо поземельной и административно-фискальной единицы являлась также единым поселенческим коллективом, члены которого были вовлечены в общинные отношения⁵⁹.

В социальном управлении Карабаха следует выделить, в зависимости от изменения этнической среды, два основных периода: первый—социальное управление страной в моноэтнической армянской (до начала XVIII в.), и второй—в полиэтнической среде. Это в известной степени обусловлено появлением здесь кочевых племен, которые в хозяйственно-бытовом, этническом и конфессиональном отношении совершенно отличались от коренных жителей—армян. Отсюда и трудность «примирения их общих интересов и невозможность устройства их быта на одинаковых началах» и наличие «если не противоположных полюсов», то очень малых «точек соприкосновения между ними»⁶⁰.

В организации управления, в силу конкретных исторических условий и под воздействием этнических процессов, прослеживаются три ос-

⁵⁵ См.: С. А. Арутюнов, Система питания (в кн.: Культура жизнеобеспечения и этнос, Ереван, 1983, с. 257).

⁵⁶ Народы Кавказа, т. 2, с. 129.

⁵⁷ См.: М. Н. Асирли, О некоторых напитках Азербайджана (Азербайджанский этнографический сборник, вып. 1, с. 136—146); Народы Кавказа, т. 2, с. 131.

⁵⁸ Н. Х. Авакян, Народная одежда армян Арцаха в XIX—XX вв. (в кн.: Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX—XX вв., М., 1971, с. 210).

⁵⁹ А. А. Мкртчян, Общественный быт армян Нагорного Карабаха, гл. II.

⁶⁰ И. Л. Бахтадзе, Кочевники Закавказского края, с. 66—67.

новых этапа этнополитической традиции⁶¹: а) существование независимых армянских княжеств—«меликутюн» и признание их наследственных прав со стороны шахской Персии; б) узурпация государственной политической власти мусульманами (в силу ослабления шахской Персии) и возникновение самостоятельного Карабахского ханства с полузависимым состоянием армянских княжеских домов (с середины XVIII в.); в) установление административно-политического управления, характерного для царской России, после присоединения в 1805 г. Карабаха к России. Примечательно, что когда политическая власть была захвачена Панах-ханом в 1747 г., армянские мелики повели борьбу против него и его наследников, юридически не признавая его права на законное господство над Карабахом. В диалекте карабахцев по отношению к Панах-хану (бывшему когда-то глашатаем) и его наследникам сохранился термин *јэг хап*—«ложный хан», намекающий на узурпацию политической власти, не полученной в наследство от своих предков⁶². Поэтому армянские княжеские дома выполняли в этот период и этнозащитную функцию. Кстати, тот же этнозащитный механизм сработал фактически и в наши дни, когда армянское население НКАО изъявило свое желание воссоединиться с Армянской ССР.

Среди армян Нагорного Карабаха зафиксированы семьи двух типов: большая патриархальная и малая, синхронно сосуществовавшие еще с раннего средневековья. В XIX в. замечается явное преобладание малых индивидуальных семей. Однако древние патронимические отношения продолжают функционировать вплоть до наших дней. Более того, сегментация неразделенных семей ничуть не ослабила осознания малыми семьями своей принадлежности к той или иной родственной группе—«азг».

Брачные правила карабахских армян сводятся к системе, характерной для общендоевропейского ареала, т. е. к круговой системе или к «простой форме обобщенного обмена»⁶³, и допускают включение неограниченного числа групп (явление, не характерное для соседнего курдского и азербайджанского населения с эндогамным браком). Ранний запрет инцеста и строгое соблюдение экзогамных норм (браки после седьмого колена) и моногамной формы брака четко прослеживаются и на уровне системы и терминов родства, органически входящих в индоевропейскую модель. Однако это не приводит к частым межнациональным бракам у армян. Подавляющее большинство браков армян Карабаха даже в 1970-ые годы однонациональны (93,4% в городах, 96,9% в селах). Причем, в межнациональных браках наиболее часто муж—армянин, а жена—русская. Армяно-азербайджанские браки несравненно более редки, несмотря на то, что азербайджанское население в области в два раза больше, чем русское⁶⁴.

Свадебный ритуал армян Арцаха обнаруживает генетическую общность с общеармянской свадебной обрядностью. С достаточной уверенностью можно отнести армянскую свадьбу к выделенному К. В. Чистовым⁶⁵ «вирлокальному» типу, который, в противоположность «уксори-

⁶¹ Подробнее см.: М. В. Акопян, Взаимодействие этнополитических традиций в социальном управлении Карабаха (XVIII—XIX вв.) (АОЭ ИАЭ, папка «Арцах»).

⁶² Հ. Քեհեանի արձանագրությունները, Ս. Պետերբուրգ. 1886, էջ 16, 29:

⁶³ К. Левн-Строс, Структурная антропология, М., 1985, с. 60, 72—73.

⁶⁴ См.: А. Е. Тер-Саркисянц, Современная семья у армян Нагорного Карабаха, с. 34—35.

⁶⁵ К. В. Чистов, Типологические проблемы изучения восточнославянского свадебного обряда (в сб.: Проблемы типологии в этнографии, М., 1979, с. 224—226).

локальному», формировался не на почве скотоводческо-кочевого⁶⁶, а земледельческого (оседлого) хозяйственно-культурного типа. При несомненном сходстве многих обрядовых элементов и ритуальных функций в самом общем их значении (сватовство, символическое соединение, дары, совместная трапеза, прощание-приобщение и т. п.) в этих двух типах существенны и структурные различия, связанные собственно с этнически-специфичной традицией—в данном случае армянской и азербайджанской.

Свадьба у армян Карабаха не только повторяет в основных чертах и деталях всеармянскую обрядность, но и во многом отражает архаические пласты индоевропейской модели «брачного обмена». Это, в частности, наблюдается в диалектном термине *aitl* обозначающем то поколение в системе родства, между представителями которого был допустим брак, и в то же время обозначающем как в армянском, так и в других и.-е. языках *мужчину*. Это обнаруживается также в таких названиях брачной пары, как *hag'əpə* — «невеста» и *r'esay* — «жених», имеющих один и тот же и.-е. корень **rgʰ-* — «просить». Другой пример отражения в свадебном ритуале карабахских армян древнейших индоевропейских культурно-языковых традиций дает так называемый обычай *hle ktrel* — «установить путь», имеющий место непосредственно перед самой свадьбой и являющийся собой собственно завершающий этап официальных переговоров между брачующимися сторонами по поводу установления всех условий брачного обмена. Правда, этот обычай под другими названиями был широко известен как в армянской, так и в других этнических средах, однако уникальность его функционирования среди армян Арцаха отмечается в первую очередь тем, что здесь прослеживается известная и в других индоевропейских языках⁶⁷ и традициях⁶⁸ семантика свадьбы как пути иницируемых, как перехода. В случае *hle ktrel* («установить путь») эта идея обнаруживается как в естественном языке (диал. форма *hle-* от и.-е. корня **ul-* «дорога», «путь»), так и в языке ритуала, организующего свадьбу как путь-переход молодой четы от категории неженатых (незамужних) в категорию женатых (замужних).

Примечательно, что другие обряды жизненного цикла, выступая как «переходные», в армянском языке сохранили производные от той же основы названия: *hulagkəvogel* — «отправить, провожать в путь» (о похоронном обряде) и *otə samr'i vgaua* — «вступила на путь» (о беременной), в том случае, когда в свадебном обряде это название сохранилось лишь в карабахском диалекте армянского языка.

Народный праздничный календарь армян Нагорного Карабаха сложился в период завершения консолидации армянского этноса. Как и общеармянский календарь, карабахский имеет несколько уровней в своем развитии, однако основным стержнем в нем является ритуальный цикл, отражающий древний земледельческий уклад. С принятием христианства народный календарь был почти полностью включен в официально-церковный либо в виде самостоятельных праздников, либо в виде стдельных ритуалов.

⁶⁶ Ср. с «кипчакским комплексом», выделенным Н. П. Лобачевой. См.: Н. П. Лобачева, Различные обрядовые комплексы в свадебном ритуале народов Средней Азии и Казахстана (в кн.: Домусульманские верования и обряды в Средней Азии, М., 1975).

⁶⁷ Э. Бенвенист, Общая лингвистика, М., 1974, с. 338—340.

⁶⁸ В. Я. Ч. В. Иванов, В. Н. Топоров, Славянские языковые моделирующие синхронические системы, М., 1965, с. 167—168.

Этничность народной музыкальной культуры в Нагорном Карабахе определяется не только интонационными и ритмическими особенностями, типологически совпадающими с народной музыкой, бытующей в Армении, но и жанровой спецификой. Свадебные обрядовые песни и инструментальная музыка (ввод невесты в дом жениха, обряд ряжения невесты, восхваление жениха и невесты, танцы, обрядовая песня «Аравот лусо») тождественны аналогичной музыке других районов Армении. Похоронная обрядовая музыка, в частности, плачи-причитания, интонационно-исполнительско-импровизационная их специфика имеет широкие параллели с армянской крестьянской песней и гусанским искусством. В Карабахе широко бытовали и бытуют жанры патетических песен (оровелы), которые являются специфичными для земледельческих народов. Земледельческие обрядовые песни «Нури-Нури», исполняемые при обрядах вызывания дождя, уходят своими корнями в язычество древних армян. Народные и духовные обрядовые песни, связанные с календарными праздниками, исполняются в Карабахе лишь с некоторыми диалектными изменениями. На музыкальную культуру армян Нагорного Карабаха определенное влияние оказала и восточная (персидско-арабская) ашугская культура.

Развитие инструментального искусства в Карабахе обусловило большую распространенность изготовления музыкальных инструментов (доол, дап, зурна, шви, пку, тар, саз, кяманча). В г. Шуши в начале XX в. была создана своеобразная школа исполнительского мастерства инструменталистов (А. Агамалян, Бала-Меликян, С. Согомонян, Л. Карахан, Иоаннисян и др.).

Фольклор Арцаха в силу непрерывного проживания коренного населения на исторической родине меньше всех был подвержен внешним влияниям. Как волшебные, так и реалистические сказки (Азаран блбул, Змен-царевлч и др.) не выявляют сколько-нибудь региональных особенностей по сравнению со сказками Айрарата, Гугарка, Васпуракана. В преданиях же красной нитью проходят два основных мотива—героизм во имя спасения родного края и мученичество за христианскую веру. Герои и мученик—наиболее любимые персонажи большинства преданий (Аветараноч, Лусаворич, Катаро, Аван и др.). Если свадебные песни отличаются своей архаичностью, то плачи-причитания, бытующие поныне, имеют явную импровизационную основу. Основной их мотив—опять-таки восхваление погибшего как героя и мученика⁶⁹.

Приведенная этнокультурная характеристика, разумеется, является далеко не исчерпывающей. Здесь были вкратце охарактеризованы лишь некоторые стороны этнической традиции, которые хотя бы в общих чертах дают представление о месте Арцаха-Карабаха в общей системе армянской этнической культуры.

⁶⁹ О фольклоре подробнее см.: Հայ ժողովրդական հեքիաթներ, հ. 5 (Արցախ), Երևան, 1966, հ. 6 (Արցախ—Ուտիք), Երևան, 1973, հ. 7 (Արցախ—Ջանգիղուր), Երևան, 1979, Առնային Ղարաբաղի բանահյուսությունը, Երևան, 1978, Ա. Ղ ա գ ի յ ա ն, Արցախ (Հայ ազգագրություն և բանահյուսություն, հ. 15, Երևան, 1983):

ԱՐՅԱԽԻ ԷԹՆՈՄՇՆԱԿՈՒԹԱՅԻՆ ԲՆՈՒԹԱԳՐՄԱՆ ՇՈՒՐՁ

Հ. Տ. ՄԱՐՈՒԹՅԱՆ, Հ. Գ. ՍԱՐԳՍՅԱՆ, Զ. Վ. ԽԱՒԱՏՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ու մ

Հայաստանի պատմամշակութային տարբեր շրջանների շարքում ուրույն տեղ ունի Արցախը, որ հնուց անտի բնակեցված է եղել հայերով: Այդ են վկայում պատմական աղբյուրները, լեզվաբանական, մարդաբանական ու ազգագրական տվյալները: Արցախի միատարր (հայկական) էթնիկ կազմը խաթարվեց սկսած XIV—XV դդ., թրքալեզու ցեղերի ներթափանցման հետևանքով: Այնուամենայնիվ, հետագա դարերում ես Լեռնային Ղարաբաղի տարածքում գերիշխող էթնիկ միավորը մնաց տեղական հայ բնակչությունը, որ հավաստվում է վիճակագրական բնույթի սկզբնաղբյուրների համեմատական քննությամբ:

XIX—XX դդ. ազգագրական ու բանահյուսական նյութերի մատնագիտական համադիր դիտարկումը, արցախահայության նյութական ու հոգևոր մշակույթի ավանդութային տարրերի բաղդատումը հայոց հանուր էթնիկ մշակույթի հետ ի հայտ է բերում ծագումնաբանական միասեռություն: Որպես առանձին պատմաաղագրական շրջան Արցախն աչքի է ընկնում նաև էթնամշակութային ուրույն պատկերով, սակայն տեղական, ընտ առցախյան առանձնահատկություններով հանդերձ, Արցախի հայերի մշակույթը ամբողջովին նույնն է, ինչ հայ էթնիկ մշակույթը: